

Семь тучных лет

Автор:

[Этгар Керет](#)

Семь тучных лет

Этгар Керет

Семь лет между рождением сына и смертью отца... Это были для Этгара Керета хорошие годы, пусть и полные тревог. Лео родился в самый разгар очередной атаки террористов. У отца диагностировали рак. Угроза войны мрачной тенью нависала над их домом. Стараясь вырваться из угрюмой действительности, Керет записывал свои размышления, глубокие и не очень, печальные и смешные, абсурдистские и реалистичные – обо всем, что творилось вокруг. И получились истории – о хрупкости, странности, невозможности жизни, о любви, о семье, о мире. Этгар Керет – возможно, лучший из рассказчиков в современной литературе.

Этгар Керет

Семь тучных лет

Etgar Keret

The Seven Good Years: a memoir

Copyright © by Etgar Keret

Опубликовано при поддержке The Institute for the Translation of Hebrew Literature

Перевод книги на русский язык осуществлен при поддержке проекта Лимуд (LIMMUD FSU INTERNATIONAL FOUNDATION).

Выражаем благодарность учредителю Лимуда Хаиму Чеслеру и генеральному директору Роману Когану.

© Линор Горалик, перевод, 2016

© Фантом Пресс, оформление, издание, 2016

* * *

От автора

Когда писатель говорит нам, что одна из его книг особенно для него важна, мы не узнаём, в сущности, ничего. Чтобы книга в принципе появилась на свет, она должна быть особенно важна хотя бы для одного человека. Если повезет, этим человеком будет какой-нибудь читатель, но даже если нет – всегда остается автор, радующийся новой книге, как гордый родитель – младенцу. Кажется, мне пришлось написать всего какие-нибудь четыре книжки (или даже меньше), чтобы это усвоить, – и теперь я не сомневаюсь. Но все-таки текст, который вы читаете сейчас, исключительно для меня важен. Потому что я пишу книги уже двадцать пять лет, но впервые публикую документальную прозу; потому что здесь я рассказываю о людях, которые мне дороже всех на свете; потому что эта книга сообщает мне как писателю новую, незнакомую роль, в которой я чувствую себя голым и беззащитным. Эта новая роль так пугает меня, что я решил не издавать «Семь тучных лет» на своем родном языке (иврите) в стране, где я живу (Израиле), а поделиться этими историями только с незнакомцами.

Сколько я себя помню, все истории делились для меня на два типа: одни я любил рассказывать близким друзьям или соседям, а другими предпочитал делиться со случайными попутчиками в поездах или самолетах. Здесь собраны истории второго типа – истории о вопросах, которые мне задавал сын, и о том, как я пытался на них отвечать; истории о моем отце, который всегда оказывался

рядом, когда меня нужно было спасать, – и о том, как я не смог спасти его, когда он заболел; истории про усы, которые я отрастил себе посреди лица во время папиной болезни, просто чтобы люди перестали спрашивать: «Ну, как оно?» – потому что у меня не было сил говорить о папе; истории о несбывшихся сильных желаниях, истории о бесконечной войне, незаметно слившейся с декорациями, в которых протекало детство моего сына.

Еще пару сотен страниц мы с вами проведем в одном купе. А когда вы доберетесь до последней страницы, я выйду на ближайшей станции, и мы с вами, возможно, никогда больше не увидимся. Но я надеюсь, что какие-нибудь эпизоды из этой семилетней поездки, начавшейся рождением моего сына и закончившейся смертью моего отца, окажутся важны и вам.

Год первый

Внезапно все то же

– Как же я ненавижу теракты, – говорит худенькая медсестра медсестре постарше. – Хочешь жвачку?

Медсестра постарше берет пластинку и кивает.

– Что поделаешь? – говорит она. – Я тоже ненавижу чрезвычайные ситуации.

– Да дело не в чрезвычайных, – настаивает худенькая, – я не против аварий каких-нибудь. Именно теракты, говорю же. От них аж опускается все.

Сидя на скамейке возле родильного отделения, я думаю: «В этом что-то есть». Всего час назад меня, обалдевшего и взволнованного, привез сюда помешанный на чистоте таксист: когда у моей жены отошли воды, он испугался, что это попортит ему обивку. И вот я тоскливо сижу в холле, жду, когда врачи пойдут из реанимации обратно в отделения. Все, кроме этих двух медсестер, занимаются пострадавшими от теракта. Схватки у моей жены тоже поутихли. Может быть,

даже наш ребенок чувствует, что вся эта затея с появлением на свет сейчас не тянет на чрезвычайную ситуацию. Я иду в кафетерий, мимо меня провозят нескольких раненых на скрипучих каталках. В такси жена кричала как резаная, но эти люди не издают ни звука.

- Вы Этгар Керет? - спрашивает парень в клетчатой рубашке. - Писатель? (Я нехотя киваю.) Это ж надо, - говорит он и вытаскивает из сумки крошечный диктофон. - Где вы были, когда все это произошло? - Увидев, что я колеблюсь, он старается изобразить некоторое сочувствие: - Не спешите. Я на вас не давлЮ. Вы пережили травму.

- Я не попал в теракт, - объясняю я. - Просто случайно тут оказался. У меня жена рождает.

- А, - говорит он, не пытаюсь скрыть разочарования, и отключает диктофон, - поздравляю. - Он усаживается рядом со мной и закуривает.

- Может, вам стоит поговорить с кем-нибудь еще, - предлагаю я, надеясь избавиться от дыма, которым его «Лаки страйк» дышит мне в лицо. - Я видел, как двоих повезли в неврологию буквально вот сейчас.

- Русские, - отвечает он со вздохом. - Ни слова на иврите не понимают. Кроме того, в неврологию по-любому не пускают никого. Это мой седьмой теракт, я уже все их здешние штуки знаю.

С минуту мы сидим молча. Он моложе меня лет на десять, но уже лысеет. Перехватив мой взгляд, он улыбается:

- Жалко, что вас там не было. Реакция писателя очень бы пригодилась мне для статьи. Что-нибудь нестандартное, чтоб идея была. А то после каждого теракта у кого ни попросишь комментарий - всё одно и то же: «Внезапно как грохнет», «Я не знаю, что это было», «Все оказалось в крови». Сколько можно уже?

- Они не виноваты, - говорю я, - просто все теракты одинаковые. Что тут скажешь нестандартного про взрывы и бессмысленную смерть?

- Хоть убейте - не знаю, - пожимает он плечами. - Это же вы писатель, не я.

Люди в белых халатах потихоньку начинают возвращаться из реанимационного отделения в родильное.

- Вы ведь из Тель-Авива, - говорит репортер, - зачем же вы забрались рожать в эту дыру?

- Мы хотели естественные роды; здешнее отделение...

- Естественные? - перебивает он со смешком. - Что естественного, если какой-то карлик с проводом в пупке выскакивает у твоей жены из влагалища?

Я даже не пытаюсь отвечать.

- Я жене сказал: «Если соберешься рожать - только кесарево, как в Америке. Не хочу, чтобы какой-то младенец всю тебя мне растянул». Сейчас только в примитивных странах вроде нашей женщины рожают как животные. Ладно, пойду я поработаю. - Уже поднимаясь, он на всякий случай закидывает удочку снова: - Может, у вас по-любому есть что сказать про теракт? Для вас что-нибудь изменилось? Типа, как вы назовете ребенка, что-то такое, не знаю... (Я отвечаю извиняющейся улыбкой.) Ну ничего, друган, - говорит он и подмигивает, - пусть все пройдет хорошо.

Шестью часами позже карлик с проводом в пупке выскакивает у моей жены из влагалища и немедленно начинает плакать. Я пытаюсь успокоить его, убедить, что волноваться незачем. Что, когда он вырастет, на Ближнем Востоке все устаканится: наступит мир, терактов больше не будет, а если раз в сто лет и случится какой теракт, рядом непременно окажется кто-нибудь нестандартный, кто-нибудь с идеями и сможет прекрасно все описать. Сын успокаивается на минуту и задумывается о том, как поступить дальше. Ему положено быть наивным - он же новорожденный, - но даже он не покупается на мою болтовню; поколебавшись секунду, он тихонько икает и снова принимается плакать.

Как маленький

Когда я был маленьким, родители повезли меня в Европу. Важнее всего в этой поездке оказались не Эйфелева башня и не Биг-Бен, а перелеты между Израилем и Лондоном – в частности, еда на борту. Там был подносик с крошечной баночкой кола-колы и коробочкой хлопьев не больше сигаретной пачки.

Мое удивление переросло в восхищение, когда я понял, что на вкус эта кола точь-в-точь как кола из обычной банки и хлопья тоже настоящие. Сложно объяснить, почему меня это восхитило. Это были всего-навсего газировка и хлопья в сильно уменьшенной таре – но мне, семилетнему, показалось, что я стал свидетелем чуда.

И вот сегодня, тридцать лет спустя, я сижу в своей тель-авивской гостиной, смотрю на двухнедельного сына – и у меня возникает то же самое чувство: вот человек, который не весит и пяти кило, но внутри у него – злость, скука, страх, блаженство, как у любого человека на свете. Оденьте его в костюм-тройку, добавьте «ролекс», суньте в руку крошечный дипломат и выпустите в свет – он станет торговаться, бороться и заключать сделки даже глазом не моргнув. Он не умеет разговаривать – это да. И обделывается как ненормальный. Я первый готов признать, что ему стоит научиться паре-тройке вещей, прежде чем его запустят в космос или посадят за штурвал F-16. Но по сути он – готовый человек в полуметровой упаковке, и не просто человек – вполне выдающийся человек, оригинал, яркий тип. Из тех, кого уважаешь, но не способен понять до конца. Потому что он, как и всякая сложная личность любого роста и веса, исключительно многогранен.

Мой сын – Просветленный: как человек, много читавший о буддизме, прослушавший две-три лекции всяких гуру и даже переболевший однажды поносом в Индии, я должен заявить, что мой грудной сын – единственный среди моих знакомых, кто сумел достичь Просветления. Он действительно живет в настоящем: он никогда не хранит обиды, никогда не боится будущего. Собственное эго совершенно ему не указ. Он никогда не пытается защитить свою честь и не требует признания своих заслуг. Кстати, его бабушка и дедушка уже открыли накопительный счет на его имя, и всякий раз, качая колыбельку, дедушка рассказывает ему, какой прекрасный процент кредитной ставки ему удалось выбить для внука и какую кучу денег (при ожидаемой средней инфляции не более 10 %) мой сын получит в двадцать один год, когда счет поступит в его распоряжение. Малыш не отвечает. Но потом дедушка начинает высчитывать процент базисной ставки, и я замечаю, что на лбу у сына

проступают морщинки – первые трещинки в коконе его нирваны.

Мой сын – Торчок. Я хотел бы сразу извиниться перед всеми наркозависимыми и излечившимися от зависимости, которым доведется читать эти строки, но, при всем уважении к их страданиям и к ним самим, ничьи ломки не могут сравниться с тем, как иногда плющит моего сына. Как и любому торчку, ему безразличны нормальные способы провести время – хорошая книга, вечерняя прогулка, финал чемпионата баскетбольной лиги. Для него есть только два варианта: грудь или смерть.

– Скоро тебе откроется весь мир – женщины, алкоголь, запрещенные онлайн-казино, – пытаюсь я утешить сына. Но мы оба знаем, что, пока этого не произойдет, его будет интересовать только грудь. К счастью для него и для всех нас, его мать оборудована аж двумя. В самом худшем случае, если одна грудь испортится, запасная всегда под рукой.

Мой сын – Психопат: иногда я просыпаюсь ночью и вижу, как его крошечная фигурка трясется рядом со мной на кровати, подобно игрушке, в которой садятся батарейки. Он издает странные гортанные звуки, и я поневоле мысленно сравниваю его с Чаки из ужастика «Детские игры». Они с Чаки одного роста, с одинаковым темпераментом, и у обоих нет ничего святого. Вот что больше всего смущает меня в моем двухнедельном сыне: у него нет ни капли морали, ни единого грамма. Расизм, неравенство, унижение слабых, дискриминация – ему плевать. Для него существуют только собственные порывы и желания. Другие люди могут хоть к черту катиться, хоть в Гринпис вступать. Прямо сейчас ему угодно хлебнуть молочка или избавиться от подгузниковой сыпи, а если ради этого надо разрушить мир – дайте ему красную кнопку. Он нажмет на нее только так.

Мой сын – Еврей-Самоненавистник...

– Может, хватит? – вмешивается моя жена. – Может, вместо того чтобы захлеб обвинять своего чудесного сына бог весть в чем, стоит заняться делом и поменять ему подгузник?

– Угу, – говорю я. – Угу, я как раз закруглялся.

Стимул / отклик

Я преклоняюсь перед теми чуткими телемаркетерами, которые прислушиваются к тебе и стараются уловить твоё настроение, прежде чем начать давить. Вот почему, когда мне звонит Двора из спутниковой телекомпании YES и спрашивает, удобно ли мне сейчас говорить, я первым делом благодарю её за чуткость. А потом вежливо говорю: «Увы, нет».

– Просто я буквально минуту назад упал в яму, ударился лбом и повредил ногу, так что момент не вполне идеальный, – объясняю я.

– Понимаю, – говорит Двора. – Как вам кажется, когда момент будет подходящим? Через часик?

– Не уверен, – говорю я. – Кажется, при падении я сломал ногу, а яма довольно глубокая – в общем, я не уверен, что смогу отсюда выбраться без посторонней помощи. Все сильно зависит от того, когда приедут спасатели, и ещё от того, придется ли им накладывать мне гипс.

– Может, я перезвоню завтра? – предлагает она безмятежно.

– Да, – отвечаю я со стоном. – Завтра было бы прекрасно.

– Что это за прогон насчет ямы? – с упреком спрашивает жена, сидящая рядом со мной в такси. Она немного нервничает, потому что мы впервые ушли погулять без нашего сына Льва (с ним осталась моя мама). – Почему нельзя просто сказать: «Спасибо, но я не собираюсь ни покупать, ни арендовать ваши товары, так что, пожалуйста, не звоните мне больше – ни в этой жизни ни, если можно, в следующей». Потом сделать короткую паузу и добавить: «Всего хорошего». И повесить трубку, как все делают.

Вряд ли все так тверды и грубы с Дворой и ей подобными, но я вынужден признать, что в словах жены что-то есть. На Ближнем Востоке люди ощущают свою смертность острее, чем в других местах, поэтому большинство склонно агрессивно реагировать на незнакомцев, заставляющих нас впустую тратить время, которого и так отведено немного. Я же, хоть и защищаю свое время с наименьшим рвением, всерьез затрудняюсь сказать «нет» телефонному

незнакомцу. Я легко отмахиваюсь от рыночных торговцев и отвечаю отказом знакомым, которые звонят мне с предложениями. Но богомерзкое сочетание незнакомца и телефонной просьбы парализует меня: секунда – и в воображении возникает искаженное лицо моего собеседника – человека, чья жизнь полна страданий и унижений. Я представляю себе, как он стоит на подоконнике сорок второго этажа и спокойно говорит со мной по мобильному, но решение уже принято: «Еще одна скотина мне откажет – и я прыгаю». А когда на одной чаше весов лежит человеческая жизнь, а на другой – подключение к телеканалу «Скульптуры из воздушных шариков – развлечение для всей семьи!» за 9,99 шекеля в месяц, я выбираю жизнь – то есть выбирал, пока моя жена и мой финансовый консультант вежливо не попросили меня прекратить.

Так я начал разрабатывать «стратегию бабушки» – женщины, которую я породил, чтобы организовать ей десятки вымышленных похорон и с их помощью уклониться от бесплодных разговоров. Но поскольку ради Двора из телеконцерна я вырыл себе яму и уже туда упал, бабушка Шошана в этот раз может спать спокойно.

– Здравствуйте, господин Керет, – говорит Двора на следующий день. – Надеюсь, сейчас вам удобнее побеседовать.

– Если честно, с моей ногой возникли некоторые осложнения, – бормочу я. – Уж не знаю как, но развилась гангрена. Вы поймали меня прямо перед ампутацией.

– Это займет всего минутку, – напористо поднажимает Двора.

– Простите, – настаиваю я, – мне уже дали наркоз, и доктор требует, чтобы я отключил телефон. Говорит, телефон нестерильный.

– Я попробую завтра, – не сдаётся Двора. – Удачной ампутации.

Большинство телемаркетеров идут на попятный после одного звонка. Те, кто проводит телефонные опросы или продает подключение к интернету, могут сделать от силы еще одну попытку. Но Двора не из таких.

– Здравствуйте, господин Керет, – говорит она, на этот раз застав меня врасплох. – Как ваши дела? – И, не успеваю я ответить, продолжает: – Поскольку вам по состоянию здоровья, вероятно, придется много времени проводить дома,

я бы предложила вам подключить телепакет «Экстремальный спорт». Четыре канала, охватывающие самые разные виды экстремального спорта, от Всемирного чемпионата по метанию карликов до турниров Австралийской лиги стеклоедов.

- Вам нужен Этгар? - шепчу я.

- Да, - говорит Двора.

- Он умер, - вздыхаю я, делаю паузу и продолжаю шепотом: - Такая трагедия. На операционном столе его прикончил интерн. Мы думаем подать в суд.

- А с кем я говорю? - интересуется Двора.

- Это Михаэль, его младший брат, - импровизирую я. - Не могу сейчас говорить, я на похоронах.

- Мои глубочайшие соболезнования. - Голос Дворы дрожит. - Мне не довелось много с ним общаться, но он казался очень милым человеком.

- Спасибо, - шепчу я. - Я должен идти. Мне пора читать Кадиш.

- Да-да, - говорит Двора. - Я перезвоню позже. У меня для вас идеальное утешительное предложение.

Война как война

Вчера я позвонил в сотовую компанию, чтобы поорать. Накануне мой друг рассказал, что позвонил в сотовую компанию, поорал немножко, пригрозил перейти к другому провайдеру - и ему немедленно скинули пятьдесят шекелей в месяц.

- Верись, нет? - восхищенно говорил приятель. - Один злобный пятиминутный звонок экономит шестьсот шекелей в год!

Девушку из клиентской поддержки звали Тали. Она молча выслушала все мои жалобы, а когда я закончил, сказала низким, глубоким голосом:

– Скажите, пожалуйста, вам не стыдно? Идет война. Люди погибают. На Хайфу и Тверию сыплются ракеты, а вы думаете только о несчастных пятидесяти шекелях?

Что-то в этом было – по крайней мере, мне от ее слов стало неловко. Я немедленно извинился, и благородная Тали быстро меня простила. В конце концов, во время войны не следует держать зло на своих.

В тот же день я решил проверить эффективность ее аргумента на упрямом таксисте, который отказывался везти меня с маленьким сыном, потому что у нас не было с собой детского креслица.

– Скажите, пожалуйста, вам не стыдно? – сказал я, пытаюсь цитировать Тали как можно точнее. – Идет война. Люди погибают. На Тверию сыплются ракеты, а вы думаете только о несчастном кресле?

Аргумент снова сработал, пристыженный водитель немедленно извинился и предложил мне садиться. Когда мы выехали на шоссе, он сказал не то мне, не то самому себе:

– Идет настоящая война, а? – И, протяжно вздохнув, ностальгически добавил: – Совсем как когда-то.

Эти слова – «совсем как когда-то» – крутятся у меня в голове, и я вдруг вижу ливанский конфликт[1 - Речь идет о периоде Второй ливанской войны (12 июля – 14 августа 2006 года). – Здесь и далее примеч. перев.] совершенно в новом свете. Я припоминаю свои разговоры со встревоженными друзьями о Ливане, об иранских ракетах, о сирийских махинациях и о том, действительно ли глава «Хезболлы» шейх Хасан Насралла может ударить по любой точке страны, даже по Тель-Авиву, – и понимаю, что во время этих разговоров почти у всех в глазах видел некий тайный проблеск, слышал бессознательный вздох облегчения.

Нет, дело не в том, что мы, израильтяне, тоскуем по войне, или страданию, или смерти. Но мы тоскуем по «когда-то», которое упомянул таксист. Мы тоскуем по уверенности, что настоящая война сменила многолетнюю изнурительную

интифаду – период, когда все было не черным и не белым, а непременно серым; когда мы противостояли не вооруженным силам, а отчаянным юнцам с поясами шахида; когда аура отваги нечувствительно рассеивалась – и оставались только длинные очереди людей на наших блокпостах: женщин на сносках, стариков, с трудом выносящих мучительную жару.

Первый же залп ракет внезапно вернул нам знакомое ощущение настоящей войны против безжалостного врага, нападающего на наши границы; войны против подлинного зла, а не против борцов за свободу и независимость, перед которыми мы теряемся и начинаем мямлить. Мы снова уверены, что наше дело правое, и со скоростью света возвращаемся в почти забытое нами лоно патриотизма. Мы снова стали маленькой страной, которая окружена врагами и сражается за жизнь, а не сильным оккупационным государством, которое ежедневно вынуждено сражаться с собственными гражданами.

Нужно ли удивляться, что в глубине души мы испытываем некоторое облегчение? Дайте нам Иран, дайте нам щепотку Сирии, дайте горсть шейха Насраллы – и мы сожрем все это без остатка. В конце концов, когда доходит до решения моральных дилемм, мы ничем не лучше всех прочих. Зато мы всегда умели побеждать в войне.

Год второй

Неискренне ваш

Когда я был маленьким, я думал, что Неделя ивритской книги – это официальный праздник, уютно устроившийся рядом с Днем независимости, Песахом и Ханукой. В этот день мы не сидели вокруг костров, не запускали дрейдлы и не лупили друг друга по голове надувными молотками[2 - Формальные и неформальные израильские праздничные традиции: костры жгут в Лаг ба-Омер, дрейдлы запускают на Хануку, а надувные молотки – непременная принадлежность Дня независимости.] – а кроме того, в отличие от других праздников, этот день не был призван напоминать нам о героической

победе или героическом поражении, чем нравился мне еще сильнее.

Каждый год в начале июня родители приводили сестру, брата и меня на центральную площадь Рамат-Гана, где нас ждали десятки столов, уставленных книгами. Каждый из нас выбирал пять книг. Иногда за столом сидел автор – тогда мы получали автограф. Моей сестре это очень нравилось, а меня слегка раздражало. Даже если кто-то там написал книгу, это еще не дает ему права черкать в моей личной копии, особенно если почерк у него мерзкий, как у аптекаря, и он непременно использует умные слова, за которыми надо лезть в словарь и выяснять, что автор всего-то имел в виду пожелать нам «приятного чтения».

Прошли годы, и пускай я больше не ребенок, я по-прежнему начинаю волноваться, когда наступает Неделя ивритской книги. Но теперь это немного другое волнение – в нем гораздо больше тревоги.

До того как я начал публиковаться, мне доводилось надписывать только книги, купленные в подарок знакомым. И вдруг в один прекрасный день я начал подписывать собственные книги для людей, которые сами их купили и которых я прежде ни разу в жизни не видел. Что можно написать на томике, который тебе протягивает незнакомец, способный оказаться кем угодно – от серийного убийцы до Праведника народов мира?[3 - Праведники народов мира – звание, которое присуждается неевреям, спасшим евреев в годы нацистской оккупации Европы.] «Моему другу...» – несколько фальшиво, «С восхищением...» – не выдерживает элементарной проверки, «С наилучшими пожеланиями...» – звучит фамильярно, а фраза «Надеюсь, вам понравится моя книга!» – вся, от заглавной «Н» до восклицательного знака, сочится стремлением подлизаться к читателю. И ровно восемнадцать лет назад, в последний вечер моей первой Недели книги, я изобрел собственный жанр: вымышленные посвящения. Если сами книги – чистый вымысел, с чего бы посвящениям быть честными?

«Дани, ты спас мне жизнь во время операции на реке Литани[4 - Имеется в виду операция «Литани» – военная операция, проведенная Израилем на территории Ливана 14-21 марта 1978 г.]. Если бы ты тогда не наложил мне жгут, не было бы ни меня, ни этой книги».

«Мики, звонила твоя мать. Я бросил трубку. Не суйся ко мне больше никогда».

«Синай, я вернусь поздно, но в холодильнике остался чолнт».

«Фейге, где моя десятка? Ты сказала „два дня“, а прошел месяц. Я все еще жду».

«Цики, признаюсь, я повел себя как дерьмо. Но твоя сестра смогла меня простить, и ты тоже сможешь».

«Аврам, мне плевать на результаты анализов. Для меня ты всегда будешь папой».

«Босмат, пускай ты сейчас с другим, но мы оба знаем, что в конце концов ты вернешься ко мне».

Задним числом, и особенно после того, как мне дали в глаз, я готов согласиться, что последнюю надпись не стоило делать в книге, которую какой-то дылда с армейской стрижкой покупал в подарок своей девушке, – хотя мне и кажется, что он мог ограничиться вежливым замечанием, а не распускать руки.

Так или иначе, я усвоил преподанный мне болезненный урок. С тех пор во время Недели книги, даже если у меня очень чешется рука написать какому-нибудь Дуди или Шломи, что в следующий раз он увидит мое имя на бумаге в письме от адвоката, я делаю глубокий вдох и царапаю: «С наилучшими пожеланиями». Скучновато, да – зато лицо в сохранности.

Словом, если Босмат и ее дылда читают эти строки, хочу сообщить им, что глубоко раскаялся и приношу им запоздалые извинения. И кстати, Фейге, если эти строки читаешь ты, – я все еще жду свою десятку.

Мне бы в небо

Несколько месяцев назад я открыл свой ржавый почтовый ящик и обнаружил бело-голубой конверт с золотой карточкой, на которой было вытеснено мое имя, а над ним, витиеватыми буквами, – ЗОЛОТАЯ КАРТА КЛУБА ПОСТОЯННЫХ ПАССАЖИРОВ. Я предъявил карточку жене в жалкой надежде, что этот жест уважения со стороны объективного внешнего наблюдателя изменит ее мнение

обо мне к лучшему, но ничего не вышло.

– Советую тебе никому эту карточку не показывать, – сказала она.

– Почему? – заспорил я. – Эта карточка значит, что я стал членом эксклюзивного клуба.

– Именно, – сказала жена со змеиной улыбкой. – Эксклюзивного клуба людей, у которых нет никакой собственной жизни.

О'кей, ладно. В доверительной, интимной обстановке этой колонки я готов отчасти признать, что у меня нет никакой собственной жизни – по крайней мере в привычном, повседневном смысле слова. И да, за последний год мне несколько раз доводилось перечитывать корешок билета, уютно лежащего между страницами напрочь заштампованного паспорта, чтобы выяснить, в какой стране я нахожусь. И я не скрываю, что зачастую после пятнадцатичасового перелета выступал перед крошечной группкой людей, которые, послушав мое чтение час-полтора, в награду утешительно похлопывали меня по спине и выражали надежду, что на иврите эти мои рассказы, наверное, имеют какой-то смысл. Но я это все люблю. Я люблю выступать: когда люди радуются моим текстам, я радуюсь вместе с ними, а когда они страдают, я решаю, что, пожалуй, так им и надо.

Честно говоря, раз уж я начал ни с того ни с сего выворачивать перед вами душу, хочу сознаться, что люблю сами перелеты. Нет, не предшествующую им проверку безопасности и не кислые лица сотрудников на стойке регистрации, объясняющих мне, что последнее свободное место в самолете расположено между двумя борцами сумо, страдающими отрыжкой. Кроме того, я не в восторге от бесконечного ожидания багажа после приземления или от джетлага, который проедает у меня в мозгу трансатлантический туннель особо тупой чайной ложкой. Но я люблю все, что находится между этими двумя моментами, – время, когда ты заперт в консервной банке, плывущей между небом и землей. В консервной банке, полностью отрезанной от мира: внутри нет ни времени, ни погоды, только сочный кусок лимба, где ты пребываешь от взлета до посадки.

К моему собственному изумлению, ценность полетов для меня не только в подогретом готовом обеде, которому сардонически настроенный копирайтер

решил дать название «Высокий экстаз». Их главная ценность – медитативная оторванность от всего мира. Полет – это растянувшееся мгновение, когда не работают ни интернет, ни телефон. Известная максима о том, что время, проведенное в самолете, потеряно по определению, освобождает меня от тревоги и вины и лишает всяческих притязаний. Возникает совсем иная разновидность бытия – счастливое, безмозглое бытие, которое не стремится выжать из времени все возможное, а просто довольствуется тем, что находит самый приятный способ его потратить.

То «я», которое существует между взлетом и посадкой, – совершенно не похожий на меня человек. Мое полетное «я» помешано на томатном соке – напитке, к которому я и не подумал бы притронуться на земле. В воздухе оно жадно смотрит отупляющие голливудские комедии на экране размером с геморроидальную шишку и с таким вниманием погружается в страницы каталогов, засунутых под сетку переднего сиденья, словно перед ним дополненные и улучшенные варианты Ветхого Завета.

Не знаю, доводилось ли вам слышать о кошельке из волокон нержавеющей стали; этот материал разработан НАСА и гарантирует, что ваши купюры будут долго сохранять свежесть после того, как планета погибнет. Или о кошачьем туалете, замаскированном под цветочный горшок; он поглощает запахи и, с одной стороны, обеспечивает кошке полное уединение, а с другой – помогает хозяевам и гостям дома избежать неловкости. Или об антисептическом приборе с микропроцессором; этот прибор обогащает ткани тела антимикробными ионами серебра на самой ранней стадии инфекции, предотвращая появление чудовищных открытых ран. Я-то не просто слышал об этих изобретениях – их точные описания, включая варианты цветовых решений, я готов цитировать наизусть, как стихи Екклесиаста. Недаром же мне прислали золотую карточку, в конце концов.

Я пишу все это в полете из Тель-Авива в Цюрих, по пути в Бангкок, – пишу с невиданной для меня скоростью, чтобы, разделавшись с последними строчками, поудобнее устроиться в кресле и вернуться к журналу: подновить свои знания насчет того, сколько новых направлений скоро откроет «Свисс Эйр». А потом я, может быть, досмотрю последние пятнадцать минут «Невидимой стороны» или потусуюсь в очереди к туалету. У меня еще час и четырнадцать минут до приземления, и я хочу выжать из них максимум.

В постели с другим

Швейцарец в смешной шляпе сидит около меня на балконе индийского ресторана и потеет как ненормальный. Я его не виню. Я тоже неслабо потею, а ведь мне положено иметь привычку к таким температурам. Но Бали – это вам не Тель-Авив. Воздух здесь влажный – хоть пей. Швейцарец говорит, что он сейчас «между двух работ», поэтому есть время путешествовать. Еще недавно он работал менеджером на курорте в Новой Каледонии, но его уволили. По его словам, это долгая история, но он с удовольствием мне расскажет. Турецкая писательница, которую он клеил весь вечер, ушла в туалет час назад и до сих пор не вернулась. Он признался, что после всего выпитого просто покатится вниз по лестнице, если попробует переставлять ноги, поэтому лучше он посидит тут, закажет еще одну ледяную стопку водки и объяснит мне, что с ним приключилось.

Ему казалось, это отличная идея – поработать менеджером на курорте. Только уже на месте он сообразил, какая дыра этот самый курорт. Кондиционеры в номерах не работали, а на склонах ближних гор жили повстанцы, которые обычно никого не беспокоили, но по совершенно необъяснимой причине (возможно, от скуки) любили пугать прогуливающих постояльцев. Уборщицы наотрез отказывались подходить к промышленным размерам гостиничной стиральной машине, утверждая, что в ней живут привидения, и упорно стирали простыни в ближней речке. Короче, курорт ничем не напоминал описания из рекламной брошюры.

Швейцарец успел проработать месяц, и тут приехала богатая американская пара. Как только они вошли в маленький вестибюль, он почувствовал, что грядут неприятности. Американцы смахивали на типичных склочных постояльцев – из тех, которые являются на стойку регистрации, чтобы поскандальить из-за температуры воды в бассейне. Швейцарец уселся за стойкой, плеснул себе виски и стал ждать возмущенного звонка из номера.

Не прошло и пятнадцати минут, как звонок раздался.

– В ванной ящерица! – сипло заорали на том конце провода.

– На острове много ящериц, сэр, – вежливо сказал швейцарец. – Это часть местного очарования.

– Очарования? – завопил американец. – Здешнего очарования? Мы с женой совершенно не очарованы. Пусть кто-нибудь поднимется и уберет ящерицу, слышите?

– Сэр, – сказал швейцарец, – удаление из вашей комнаты этой конкретной ящерицы ничего не даст. Здесь полно ящериц. Скорее всего, к утру вы обнаружите еще несколько – может, даже в кровати. Но тут нет ничего плохого, потому что...

Договорить ему не удалось. Американец бросил трубку. «Ну началось», – подумал швейцарец, залпом заглатывая остатки виски. Через минуту они прибегут к стойке регистрации и начнут на него орать. С его везением окажется, что они знают кого-нибудь из гостиничного начальства, и ему крышка.

Он устало поднялся из-за стойки, решив, что лучше действовать самому: прихватить бутылку шампанского и отнести им в номер. Подлизаться к ним, как учили на курсах, и покончить с этим бардаком. Удовольствие то еще, но так будет лучше всего. На полпути к бунгало американцев он увидел, как мимо проносится их машина. Она чуть его не сбила – мелькнула и рванула к шоссе. Он помахал рукой на прощанье, но машина и не подумала замедлить ход.

Он подошел к номеру американцев. Дверь была распахнута. Багаж исчез. Он открыл дверь в ванную и увидел ящерицу. Ящерица тоже его увидела. Несколько секунд они молча смотрели друг на друга. Длинной эта ящерица была метра полтора. Вместе с когтями. Однажды он видел такую ящерицу в фильме про дикую природу; он не помнил точно, что там рассказывали, – помнил только, что это страшные твари с омерзительным характером. Теперь-то стало понятно, почему американцы так быстро смылись.

– Вот и все, – сказал мне швейцарец. Американцы действительно написали кому-то жалобу, и через неделю его уволили. С тех пор он шатается по свету. В ноябре возвращается в Швейцарию – хочет попробовать силы в фирме своего брата.

Когда я спросил, есть ли, на его взгляд, мораль у этой истории, он сказал, что наверняка есть, только он не очень понимает какая.

– Может быть, – сказал он, поразмыслив, – мораль в том, что мир полон ящериц, и пусть мы не можем ничего с ними поделаться, хорошо бы все-таки узнать, насколько они большие.

Швейцарец спросил, откуда я.

– Израиль, – ответил я и добавил, что добирался на этот писательский фестиваль черт знает сколько времени.

Мои родители не хотели, чтобы я ехал. Они боялись, что меня тут похитят или убьют. В конце концов, Индонезия – мусульманская страна, очень антиизраильская и даже, по мнению некоторых, антисемитская. Я попытался успокоить родителей ссылкой на Википедию: там было написано, что большинство жителей Бали – индусы. Это не помогло. Папа твердил, что всадить пулю мне в лоб можно и без всенародного референдума. Когда-то израильские флаги жгли перед нашим посольством в Джакарте, но теперь дипломатические отношения расторгнуты и флаги приходится жечь перед посольством США. Настоящий живой израильтянин может оказаться истинным подарком для таких людей.

С визой тоже была куча возни: я проторчал в Бангкоке пять дней и был бы вынужден лететь обратно, если бы директор фестиваля не смог через Фейсбук добраться до крупного чиновника индонезийского МИДа и зафрендиться с ним. Я рассказываю швейцарцу, что совсем скоро мне предстоит читать на церемонии открытия фестиваля в Королевском дворце, там будут губернатор и члены королевской семьи, и если он, швейцарец, уже будет способен стоять на ногах, я приглашаю его послушать. Швейцарцу очень нравится эта идея. Я помогаю ему подняться, но, справившись с первым шагом, дальше он идет самостоятельно.

На открытие приходит больше пятисот человек. Губернатор и члены королевской семьи сидят в первом ряду. Пока я читаю, они меня рассматривают. Не вполне понятно, что написано у них на лицах, но слушают они, кажется, очень внимательно. Я – первый израильский писатель, ступивший на землю Бали. Не исключено, что я – первый израильтянин или даже первый еврей, с которым довелось встретиться многим присутствующим. Что они видят, глядя на меня? Может быть, ящерицу, – и, судя по улыбкам, медленно зарождающимся на их лицах, эта ящерица куда меньше и куда приветливей, чем они ожидали.

Защитник нации

Пара дней в Восточной Европе – самый верный способ пробудить в себе еврея. В Израиле можно целыми днями разгуливать под палящим солнцем в футболке без рукавов и чувствовать себя чистой водой гоем: немножко транса, немножко оперы, старая добрая книжка Булгакова, стакан ирландского виски. Но как только проштампуете паспорт в польском аэропорту, как самоощущение меняется. Вкус тельавивской жизни еще жив на губах, Господь еще не явился тебе в мерцании испорченной флуоресцентной лампы, потрескивающей над залом прилета, но стоит откуда-нибудь потянуть свининкой – и ты чувствуешь себя каким-то выкрестом. Внезапно тебя окружает Диаспора.

Стоит израильтянину появиться на свет, как ему начинают объяснять, что европейские события последних веков – сплошь гонения и погромы; последствия такого образования продолжают гноиться у тебя в кишках вопреки диктату здравого смысла. В поездке реальность постоянно подпитывает это неприятное ощущение. И тут не требуется ничего эдакого (как я убедился, съездив в Восточную Европу на прошлой неделе). Никакой казак не обязан насиловать моих мать и сестру. Достаточно любой мелочи: невинной реплики прохожего, звезды Давида и неразборчивого лозунга, намалеванных на осыпающейся стене, отблеска света на церковном кресте, маячащем за гостиничным окном, или того, как беседа немецкой супружеской пары резонирует с туманным польским ландшафтом.

Тебя начинает терзать вопрос: это правда или фобия? Может, эти полуантисемитские впечатления возникают у тебя в сознании потому, что ты их ждешь? Моя жена, например, утверждает, что у меня сверхчеловеческая способность к обнаружению свастика. Неважно, где мы находимся, в Мельбурне, в Берлине или в Загребе, – не пройдет и десяти минут, я высмотрю какую-нибудь свастику.

Ровно пятнадцать лет назад я впервые приехал в Германию по своим писательским делам, и мой издатель пригласил меня в отличный баварский ресторан (да, я знаю, такой вот оксюморон). Едва перед нами поставили горячее, в ресторан вошел рослый крепкий немец лет шестидесяти и громко заговорил. Лицо его было пунцовым; мне показалось, что он пьян. Из месива немецких слов, которые он выплевывал в воздух, я распознал только два, они постоянно повторялись: *Juden raus!*[5 - Евреи, вон! (нем.)] Я подошел к нему и сказал по-

английски со всем спокойствием, на какое был способен:

– Я еврей. Хочешь вывести меня отсюда? Давай, выведи, попробуй.

Немец, ни слова не понимавший на английском, продолжал вопить по-немецки, и мы быстро перешли к тычкам. Мой издатель попробовал вмешаться, попросил меня вернуться за стол.

– Ты не понимаешь, – повторял он, но я был тверд. Я отлично все понимал. Как сын людей, переживших Холокост, я понимал лучше, чем любой из невозмутимых посетителей ресторана.

Наконец нас растащили официанты, и злобного пьяницу выставили вон. Еда остыла, но у меня все равно пропал аппетит. Пока мы ждали счет, мой издатель тихо и проникновенно объяснил мне, что злобный пьяница жаловался на машину одного из посетителей, запершую его на стоянке. То, что прозвучало для меня как *Juden gaus*, на самом деле было *Jeden gaus* и переводилось примерно как «снаружи, рядом с...». Когда принесли счет, я добился того, чтобы заплатить за нас обоим. Ремонт в пользу новой Германии, если угодно. Что поделать? Даже сегодня каждое второе слово, произнесенное на немецком, вызывает у меня желание встать в защитную стойку.

Но, как говорится, если вы параноик, это не значит, что за вами не следят. За двадцать лет скитаний по миру я собрал приличную коллекцию антисемитских эпизодов, которые невозможно объяснить ошибкой в восприятии языка на слух.

Был, например, один венгр из маленького бара в Будапеште. Я пришел туда после чтений, а он настоял на том, чтобы показать мне свою татуировку немецкого орла во всю спину. Сказал, что его дедушка убил во время Холокоста триста евреев и сам он тоже надеется однажды достичь таких вершин.

В маленьком мирном немецком городке поддатый актер, двумя часами раньше читавший со сцены мои рассказы, объяснил мне, что антисемитизм – это ужасно, но нельзя не признать, что отвратительное поведение евреев на протяжении всей истории человечества сильно подлило масла в огонь.

Клерк во французской гостинице поведал мне и арабо-израильскому писателю Сайеду Кашуа, что, будь его воля, в эту гостиницу евреев не пускали бы. Я весь

вечер слушал, как Сайед ворчит, что мало ему было сорока двух лет сионистской оккупации – теперь его еще и евреем назвали.

А всего неделю назад на литературном фестивале в Польше меня спросили из зала, стыжусь ли я своего еврейства. Я дал рациональный, аргументированный, совершенно спокойный ответ. Публика внимательно выслушала и зааплодировала. Однако ночью в номере я с трудом уснул.

Пара славных ноябрьских хамсинов – самый верный способ угомонить своего внутреннего еврея. Честное ближневосточное солнце выжигает из тебя последние следы Диаспоры. Мы с моим лучшим другом Узи сидим на пляже Гордон в Тель-Авиве. Рядом с Узи сидят Криста и Рената.

– Дайте я угадаю, – говорит Узи, пытаюсь усмирить свою набухающую похоть неловкими телепатическими упражнениями, – вы обе из Швеции.

– Нет, – смеется Рената, – мы из Дюссельдорфа. Германия. Знаете Германию?

– Еще бы! – с энтузиазмом поддакивает Узи. – «Крафтверк», «Модерн Токинг», Ницше, БМВ, «Бавария Мюнхен»... – Он роется в сознании, пытаюсь найти еще какие-нибудь немецкие ассоциации, но безуспешно. – Братан, – говорит он мне, – мы зачем тебя в универ послали? Как насчет поддержать беседу?

Реквием по мечте

Все началось с того, что мне приснился сон. Мои проблемы вообще часто начинаются с того, что мне снится сон. На этот раз во сне я стоял посреди вокзала в каком-то странном городе. Вокруг клубились орды нетерпеливых пассажиров. Спешащих, дерганных. Они до смерти хотели купить у меня хот-дог, но боялись пропустить поезд. Они выкрикивали свои заказы на странном языке, похожем на жутковатую смесь немецкого с японским. Я отвечал на том же странном, выматывающем наречии. Они меня торопили, и я изо всех сил старался поспевать. Моя рубашка была так заляпана горчицей, релишем и кислой капустой, что белые пятна ткани казались грязью. Я пытался сосредоточиться на хот-догах, но не мог отрешиться от злобной толпы. Они

глядели на меня алчными глазами хищников. Заказы на непонятном языке звучали все грознее. У меня уже тряслись руки. Капли соленого пота падали с моего лба на толстые горячие сосиски. И тут я проснулся.

Впервые этот сон приснился мне пять лет назад. Весь в поту, я выбрался из постели и успокоил себя стаканом ледяного чая и эпизодом «Прослушки». Мне, конечно, и раньше снились кошмары, но когда этот сон надумал обосноваться в моем бессознательном как у себя дома, я понял, что передо мной проблема, которая не решается даже прекрасным сочетанием ледяного чая и Джимми Макналти.

Узи, известный поклонник снов и хотдогов, сразу понял, что к чему.

– Ты – второе поколение, – сказал он. – Твоих родителей заставили в одночасье покинуть свою страну, свой дом, свою естественную социальную среду. Этот разрушительный опыт просочился из сознания родителей в твое, и без того поврежденное. Добавь сюда постоянную ближневосточную нестабильность и тот факт, что ты теперь молодой отец. Перемешай все это хорошенько – и что получится? Сон, в котором присутствуют все твои страхи: страх оказаться оторванным от дома, страх быть брошенным в странную, чуждую среду, страх, что тебя заставят заниматься непонятным и неподходящим тебе делом. Все тут.

– Вполне разумно, – сказал я Узи. – Но как мне сделать, чтобы кошмар точно не повторился, – сходить к психологу?

– Не поможет, – возразил он. – Что психотерапевт тебе скажет? Что твоих родителей на самом деле не преследовали нацисты? Что Израиль никогда не будет уничтожен, а ты не превратишься в беженца? Что даже при твоей хреновой координации ты справишься с торговлей хот-догами? Тебе не нужны врачи какого-нибудь профессора клинической психологии, тебе нужно реальное решение – заначка в иностранном банке. Все так делают. Я как раз прочитал в газете, что зарубежные счета, иностранные гражданства и полноприводные автомобили – главные тренды этого лета.

– Думаешь, сработает? – спросил я.

– Стопудово, – пообещал Узи. – И во сне, и в реальности. Это не спасет тебя от судьбы беженца, но, по крайней мере, ты будешь беженцем с пачкой бабла.

Который если и окажется торговцем сосисками на вокзале в ЯпоГермании, сможет за это бабло нанять беженца еще невезучее стоять у тележки и набивать булочки квашеной капустой.

Перспектива наживаться на беженцах мне сперва не понравилась, но после еще парочки ночных визитов к тележке с сосисками я решил, что пора. Мне удалось найти в интернете симпатичный сайт одного австралийского банка: в их рекламном ролике фигурировала не только потрясающая природа, но и улыбающаяся девушка-клерк, похожая на ласковую сестру Джулии Робертс. Она убедила меня вложить деньги в их банк.

Узи зарубил эту идею на корню:

– Через десять лет никакой Австралии не будет вообще. Если их не добьет озоновая дыра, то захватят китайцы. Стопудово. Мой двоюродный брат работает в «Моссаде», в Тихоокеанском подразделении. Выбирай Европу. Что угодно, кроме России и Швейцарии.

– А там что не так?

– Российская экономика нестабильна, – объяснил Узи, откусывая полфалафеля. – А Швайц... Чё-то не знаю. Не люблю я их. Они какие-то холодные, понимаешь, да?

В конце концов я отыскал симпатичный банк на Нормандских островах. Честно говоря, пока я не занялся поисками банка, я даже не знал, что посреди Ла-Манша есть острова. Соответственно, вполне возможно, что даже если мировая война будет развиваться по самому худшему сценарию, плохие люди, которые захватят мир, тоже не поймут, что там есть острова, и во время глобальной оккупации мой банк останется свободным. Парня, который работал в этом банке и согласился взять мои деньги, звали Джеффри, но он настоял, чтобы я называл его Джефф. Через год его заменили на некоего Джона, или Джо, а потом появился очень приятный парень по имени Джек. Все они были милыми и вежливыми, а когда говорили о моих акциях и облигациях и об их безопасном будущем, обязательно использовали правильные формы настоящего перфектного времени, что нам с Узи никогда не удавалось. Это окончательно меня успокаивало.

Ближневосточные склоки вокруг нас становились все ожесточеннее. «Хезболла» била по Хайфе ракетами «Град», а боеголовки ХАМАСа крушили здания в Ашдоде. Но, несмотря на оглушительные взрывы, я спал как младенец. Конечно, мне снились сны, но теперь это были идиллические сцены в интерьерах окруженного водой банка, куда Джеффри, или Джон, или Джек привозили меня в гондоле. Виды из гондолы открывались потрясающие, а летучие рыбы плыли рядом и пели мне человеческими голосами, немножко напоминающими Селин Дион, о красоте и величии моего инвестиционного портфеля, прирастающего с каждым днем. Если верить экселевским таблицам Узи, я достиг финансового уровня, при котором можно завести две сосисочные тележки или, при желании, один крытый киоск.

А затем наступил 2008 год, и рыбы в моих снах перестали петь. Когда рынок рухнул, я позвонил Джейсону, заменившему предыдущего Дж, и спросил, должен ли я, на его взгляд, начать продавать активы. Он сказал, что лучше бы мне подождать. Я не помню его точных слов, но и он, как все Дж до него, воспользовался очень правильной формой настоящего совершенного времени. Через две недели мои вклады потеряли тридцать процентов своей стоимости. Во сне банк выглядел по-прежнему, но гондола протекала, и летучие рыбы, переставшие казаться дружелюбными, обращались ко мне на знакомом японском диалекте. Задобрить их увесистым хот-догом я бы не смог при всем желании. Экселевские таблицы Узи однозначно демонстрировали, что у меня не осталось денег на тележку. Я названивал в банк. Поначалу Джейсон был полон оптимизма. Затем стал огрызаться, а затем вовсе потерял ко мне интерес. Когда я спросил, занимается ли он моим портфелем и пытается ли спасти то, что осталось, Джейсон объяснил мне политику банка: проактивное управление начинается, когда размер вклада превышает миллион долларов. Я понял, что нам больше не доведется вместе прокатиться в гондоле.

– Смотри на вещи позитивно, – предложил Узи и показал мне фотографию дружелюбного человека в финансовом приложении к какой-то газете. – По крайней мере, твои сбережения не лежали у Мейдоффа[6 - Имеется в виду скандал 2008–2009 гг. в связи с разоблачением финансовой пирамиды Бернарда Мейдоффа (р. 1938), в результате чего пострадали многочисленные американские и европейские банки и благотворительные организации. Упомянутая ниже Рут – жена Мейдоффа Рут Мейдофф (Алперн, р. 1941).].

Самого же Узи кризис совершенно не задел: он поставил все свои деньги не то на индийскую пшеницу, не то на ангольское оружие, не то на китайские

вакцины. До этого я никогда не слышал о Мейдоффе, но теперь мне известно про Берни и Рут всё. Задним числом следует сказать, что, за исключением истории с грабежом, у нас с Мейдоффом много общего: мы – два беспокойных еврея, два любителя сочинять истории, оба гонялись за мечтой, оба годами плавали в гондоле с пробитым дном. Не приснилось ли и ему однажды, много лет назад, что он торгует сосисками на вокзале? Может, и у него был настоящий друг вроде Узи, вечно дающий трешевые советы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21233573&lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Сноски

1

Речь идет о периоде Второй ливанской войны (12 июля – 14 августа 2006 года). – Здесь и далее примеч. перев.

2

Формальные и неформальные израильские праздничные традиции: костры жгут в Лаг ба-Омер, дрейдлы запускают на Хануку, а надувные молотки – неременная принадлежность Дня независимости.

3

Праведники народов мира – звание, которое присуждается неевреям, спасшим евреев в годы нацистской оккупации Европы.

4

Имеется в виду операция «Литани» – военная операция, проведенная Израилем на территории Ливана 14–21 марта 1978 г.

5

Евреи, вон! (нем.)

6

Имеется в виду скандал 2008–2009 гг. в связи с разоблачением финансовой пирамиды Бернарда Мейдоффа (р. 1938), в результате чего пострадали многочисленные американские и европейские банки и благотворительные

організації. Упомянута нижче Рут – жона Мейдоффа Рут Мейдофф (Алперн, р. 1941).

Купити: <https://tellnovel.com/etgar-keret/sem-tuchnyh-let-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)